

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.38>

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются фонетические особенности тувинских диалектов, утраченные под влиянием литературного языка и выявленные в результате сбора и обработки значительного диалектного материала. Также уделено внимание таким явлениям, которые раньше рассматривались как особенности какого-нибудь одного диалекта, но в настоящее время стали характерными для речи большинства тувинцев. Кроме того, анализируются фонетические признаки, характерные для спонтанной речи тувинцев. Выявлены такие особенности спонтанной речи, как соответствие долготы // краткость гласных, выпадение гласных, согласных, слогов, палатализация шипящих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 376-381. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-25

Дата поступления рукописи: 01.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.38>

В статье рассматриваются фонетические особенности тувинских диалектов, утраченные под влиянием литературного языка и выявленные в результате сбора и обработки значительного диалектного материала. Также уделено внимание таким явлениям, которые раньше рассматривались как особенности какого-нибудь одного диалекта, но в настоящее время стали характерными для речи большинства тувинцев. Кроме того, анализируются фонетические признаки, характерные для спонтанной речи тувинцев. Выявлены такие особенности спонтанной речи, как соответствие долготы // краткость гласных, выпадение гласных, согласных, слогов, палатализация шипящих.

Ключевые слова и фразы: тувинский язык; фонетические особенности; тувинские диалекты; диалектные признаки; соответствия звуков; поток речи; выпадение звуков; палатализация; опереднение гласных; разогубление; метатеза.

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна, к. филол. н.

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл
yu5bi@mail.ru*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Объективные процессы, произошедшие со времени установления литературных норм тувинского языка, преподавание литературной формы тувинского языка в школах и учебных заведениях, социальные процессы, связанные с миграцией тувинцев внутри республики, высокая мобильность населения в настоящее время – все это способствовало и способствует исчезновению диалектных особенностей тувинского языка.

В данной статье будут рассмотрены диалектные черты, зафиксированные в 50-90-х гг., в сравнении с диалектными материалами, собранными летом 2013 и 2014 гг. Основное внимание будет уделено фонетическим особенностям тувинских диалектов на основании слуховых наблюдений.

Цель данной статьи – выявление исчезающих фонетических особенностей тувинских диалектов под воздействием литературного языка, фиксация интерферирующего влияния отдельных идиом на другие говоры и диалекты тувинского языка, а также определение фонетических особенностей, характерных для потока спонтанной тувинской речи.

Актуальность работы определяется тем, что в настоящее время большинство диалектных особенностей тувинского языка постепенно утрачивается. В настоящее время в тувинском языкознании нет работ, определяющих современное состояние тувинских диалектов с учетом влияния литературного языка и взаимовлияний тувинских идиом друг на друга в диахроническом аспекте, что обуславливает научную новизну работы. Поэтому в настоящее время необходимо зафиксировать и изучить современные диалектные особенности для того, чтобы в дальнейшем исследовать проблему в динамике.

Материал, собранный в 2013 и 2014 годах, – это образцы спонтанной речи тувинцев, проживающих в городе Кызыле, а также в различных районах Тувы. В анализ не включены материалы из Тоджинского и Монгун-Тайгинского кожуунов из-за отсутствия аудиозаписей спонтанной речи носителей диалектов указанных мест. В качестве информантов отбирались с каждого района (5 дикторов – минимум, 15 – максимум, исходя из количества населения) тувинцы от 18 до 65 лет, говорящие на тувинском языке. Общее количество информантов – 95 человек. Запись диалектного материала производилась три раза у каждого информанта с промежутком в одну неделю. Общий объем обработанного материала – 285 записей спонтанной речи.

К настоящему времени по тувинской диалектологии опубликовано много работ. Диалектные черты западных говоров тувинского языка были отмечены еще во второй половине XIX века В. В. Радловым [19], в 1889 г. особенности центрального диалекта зафиксировал Н. Ф. Катанов [11].

С середины прошлого столетия тувиноведы интенсивно проводили полевые исследования по фиксации и изучению тувинских диалектов и говоров. Результаты этой работы отражены в многочисленных статьях [1; 2; 13; 17; 24; 28-30; 33], а также в отдельных монографиях [7; 8; 12; 14; 16; 23; 26; 32]. Кроме того, по звуковому строю тувинских диалектов опубликована монография обобщающего характера [4]. По зарубежным диалектам тувинского языка также завершены монографические исследования [6; 31; 34]. Таким образом, к этому времени удалось зафиксировать особенности почти всех диалектов и говоров тувинского языка.

Язык, как социальное явление, подвержен постоянной трансформации. Он динамично меняется, утрачивая одно и приобретая другое. Подобным же образом изменяются тувинские диалекты и говоры. В настоящее время можно сказать, что большинство тувинских диалектов и говоров утратили некоторые диалектные особенности.

В середине XX века во многих говорах, диалектах тувинского языка вместо литературных кратких гласных произносились долгие гласные, например: в улуг-х., овюр., бай-т., танд., пий-х., каа-х. гов., юго-вост., тодж. диал. *кааң* вм. *каң* ‘сталъ’, *ыйлааңгы* вм. *ыйлаңгы* ‘волдырь’, *хурежишир* вм. *хурежир* ‘бороться’ и т.д. (здесь и далее перевод автора статьи. – О. С.) [23]. Данное соответствие фиксировалось во всех тувинских диалектах и говорах.

Также эта фонетическая особенность спорадически фиксируется в спонтанной речи носителей разных диалектов: барун-х. *бодум ынчаан өөренип [aa]п турар мен* в. *бодум ынчаар өөренип ап тур мен* ‘сам так изучаю’; л[aa]ңгыя *огородка ынак мен* в. *ылаңгыя огородка ынак мен* ‘особенно люблю огород’; каа-х. *эртип б[aa]р чыдар-дыр* в. *эртип бар чыдар* ‘проходит’; *силер боттарың[aa]р* в. *силер боттарыңар* ‘вы сами’; тес-х. *үргүлчү-ле хүнн[ээ]п тур* в. *үргүлчү-ле хүннеп тур* ‘постоянно ревнует’ [18].

Произнесение долгих гласных на месте кратких регулярно встречается в следующих словах: *бистиң* в. *бистиң* ‘наш’, *хенээртен* в. *хенертен* ‘вдруг’, *сыгыраартыр* в. *сыгырартыр* ‘прищурились’, *улгаады берген* в. *улгады берген* ‘пожилой (о человеке)’, *бөөлдээш* в. *бөөлдеш* ‘без пояса’, *көрүшпээдивис* в. *көрүшпедивис* ‘не виделись’, *көрбээдим* в. *көрбедим* ‘(я) не видел’, *дээмги* в. *демги* ‘тот самый’, *ыраак* в. *ырак* ‘далеко’, *дээскинер* в. *дескинер* ‘кружиться’, *үүр* в. *үр* ‘долго’, *аптараа* в. *аптара* ‘сундук’ [Там же]. В большинстве из этих примеров долгота может быть позиционной или обусловленной темпом речи и ситуативными причинами.

В речи большинства дикторов фиксируется долгота в слове *ийээ* в. *ийе* ‘да’ [Там же], которое, очевидно, обусловлено экспрессивным характером слова.

Здесь надо отметить, что во всех диалектных материалах отмечается удлинение узких гласных в глагольных формах на -р, которое было характерно в основном для сут-хольского, дзун-хемчикского говоров [22, с. 76; 24, с. 152-153]: *хүрежиш* в. *хүрежир* ‘бороться’, *өөртүүр* в. *өөртүр* ‘радовать’. В настоящее время это явление наблюдается также в речи носителей других диалектов и становится общедиалектным: эрзин. *өрениш* в. *өөренир* ‘учиться’, *хүрежиш* в. *хүрежир* ‘бороться’, танд. *боданыр* в. *боданыр* ‘думать’, улуг-х. *олуртуур* в. *олуртур* ‘сажать (об огороде)’, пий-х., бай-т. *чогалажыыр* ~ *чолажыыр* в. *чугаалажыр* ‘разговаривать’ [18]. Таким образом, здесь очевидно интерферирующее влияние центрального диалекта.

В диалектах и говорах тувинского языка наблюдается признак, обратный рассмотренному выше. Долгие гласные литературного языка часто произносятся как краткие гласные: *хорай* в. *хоорай* ‘город’ (в данном слове краткий [о] произносится с небольшой назализацией); *бичи* вместо *бичиш* ‘маленький’, *төгү* в. *төөгү* ‘история’, *чокта чаа* в. *чоокта чаа* ‘недавно’, частица *-да* в. *-даа*, *сур* в. *суур* ‘село’, *сонда* в. *соонда* ‘после’, *өрениш* в. *өөренир* ‘учиться’, *бар* в. *баар* ‘идти’, *чогалажыр* в. *чугаалажыр* ‘разговаривать’, *бирези* в. *бирээзи* ‘один из них’, *бичи* в. *бичиш* ‘маленький’ [Там же]. В настоящее время подобное явление обнаружено в речи тувинцев большинства кожуунов республики. Поэтому можно предположить, что это общедиалектный признак.

Таким образом, соответствия долгий гласный // краткий гласный, краткий гласный // долгий гласный являются признаком спонтанной речи, обусловленной либо позицией гласных, либо темпом речи, либо же ситуативными причинами говорящего.

Прежде диалектологи во многих говорах и диалектах отмечали соответствие [и] // [э] и наоборот: улуг-х., сут-х. бай-т., танд. каа-х. *эдик* в. *идик* ‘обувь’, *ижик* в. *эжик* ‘дверь’, *ики* в. *эки* ‘хороший’, *билзик* в. *билзек* ‘колечко’ [23]. Нами этот признак не был зафиксирован. Также не обнаружено соответствие э // о в начальной позиции. Ранее диалектологи наблюдали его в примере: *эдирек* в. *өдүрек* ‘утка’.

В некоторых диалектах тувинского языка, в частности в бай-тайгинском говоре и тере-хольском диалекте, исследователи отмечали наличие нефарингализованных гласных на месте фарингализованных литературного языка [8, с. 30]. Так как у нас собран материал по бай-тайгинскому говору, здесь будут приведены данные по этому говору. Нами были отобраны 5 носителей бай-тайгинского говора и по каждому из них сделаны несколько записей спонтанной речи. Указанный диалектный признак нами не был обнаружен [18].

В настоящее время в тувинской разговорной речи с гортанным отступом произносятся гласные, которые не были фарингализованными, например: тес-х. *биъс* в. *бис* ‘мы’, *кыгыдырааш* в. *кыдырааш* ‘тетрадь’, улуг-х. *эккээр* в. *эккээр* ‘принести’ и т.д., а также гласные в русизмах: дзун-х. *шкоъла* в. *школа*, *каърандаш* в. *карандаш*, *столоъвая* в. *столовая*, эрзин. *быз[ааъ]ңчы* в. *бызаңчы* ‘плотник’, *[эъ]ртемм* в. *эртемм* ‘моя профессия’, *[аъ]чамның* в. *ачамның* ‘моего папы’, *[аъ]вамның* в. *авамның* ‘моей мамы’, *ч[аъ]нында* в. *чанында* ‘поблизости’, улуг-х. *с[и]лер* в. *силер* ‘вы’ [Там же].

Надо сказать, что этот процесс не ограничивается каким-то одним диалектом [7]. Поэтому при наличии подобной тенденции в тувинском языке, а также под интерферирующим влиянием литературного языка в бай-тайгинском говоре этот диалектный признак нивелировался.

В центральном, западном и юго-восточном диалектах наблюдался признак делабиализации гласного [у] в словах: *мырнаар* в. *мурнаар* ‘опередить’, *дыңма* в. *дуңма* ‘младший брат или сестра’, *кыспақтаар* в. *куспақтаар* ‘обнимать’ [21, с. 243; 23, с. 14].

В собранном нами материале в спонтанной речи подобное явление делабиализации [у] фиксируется в большом количестве и почти у всех дикторов. Например: барун-х. *ооң м[ы]рн[ы]нда* в. *ооң мурнунда* ‘прежде’, каа-х. *чугаалажып т[ы]рар* в. *чугаалажып турар* ‘разговаривают’, улуг-х. *чурттап т[ы]рар мен* в. *чурттап турар мен* ‘живу’, бай-т. *чугаалажыр т[ы]рган бис* в. *чугаалажыр турган бис* ‘разговаривали’, *тейлеп т[ы]рар* в. *тейлеп турар* ‘молится’ [18]. Этот признак, на наш взгляд, не является диалектной особенностью. Он, скорее всего, является общедиалектным, и разоглушение в этом случае обусловлено так называемой экономией энергии, поэтому в свободной спонтанной речи в некоторых словах проявляется у всех.

Опереднение заднерядных гласных в тувинском языке – нераспространенное явление. В таежном говоре туджинского диалекта [32, с. 21], юго-восточном диалекте [16, с. 46] и в речи сэлэнгинских тувинцев Монголии [20, с. 195] фиксировалось опереднение звука [а], которое реализуется как звук [æ] (средний между [а] и [э]).

В настоящее время подобное отмечается у многих дикторов из разных районов Тувы. Чаще это происходит рядом с согласным [й]: запад. *оон ың[э]й* в м. *оон ыңай* ‘далее’; центр., юго-вост., запад. *хоор[э]йлар* в м. *хоорайлар* ‘города’, *шупту хоор[э]йл[а]р* в м. *шупту хоорайлар* ‘все города’, *Кызыл хоор[э]йд[а]* в м. *Кызыл хоорайда* ‘в городе Кызыле’; юниорл[э]р в м. *юниорлар* ‘юниоры’; *кад[э]й кижги* в м. *кадай кижги* ‘женщина’, *малгашка тайг[э]ш* в м. *малгашка тайгаш* ‘поскользнувшись на грязи’, юго-вост. *ар[э]й бүргег-дир* в м. *арай бүргег* ‘немножко пасмурно’; *баит[э]й* в м. *баитай* ‘сперва, вначале’ [18]. Данный признак проявляется в основном у молодого поколения до 35 лет, хорошо владеющего русским языком. Вероятно, в данном случае проявляется влияние русской речи дикторов.

По нашим материалам, в говорах и диалектах тувинского языка исчезает такой признак, как вставка согласных [п], [х], [р] в середине, иногда и в начале слова. Прежде в некоторых говорах тувинского языка, в числе которых улуг-х., пий-х., барун-х. и др., диалектологи фиксировали примеры: *дончуула* в м. *дочуула* ‘точило’, *ыңхай* в м. *ыңай* ‘туда’, *картай* в м. *катай* ‘вместе’, *каржык* в м. *кажык* ‘бабка (надкопытный сустав)’, *бертинде* в м. *бетинде* ‘на этой стороне’, *хел* в м. *эл* ‘обрыв’, *херик* в м. *эрик* ‘берег’ и др. [23].

В настоящее время эпентеза происходит в основном в следующих словах: *картай* в м. *катай* ‘вместе’, *картап* в м. *катап* ‘вновь, еще раз’, *бертинде* в м. *бетинде* ‘на этой стороне’ [18]. А в остальных вышеприведенных словах она отсутствует. Это явление также не ограничено одним диалектом или говором. В разговорной речи многих наших информантов вне зависимости от их диалектной принадлежности указанная эпентеза фиксировалась лишь в последних примерах.

В тувинском языке согласный [ш] является сильно палатализованным согласным, согласный [ж] также произносится гораздо мягче, чем в русском языке [10, с. 60, 80]. По нашим данным в потоке речи у носителей многих диалектов тувинского языка (центр., запад., юго-вост., тере-х.) наблюдается чрезмерная палатализация согласных [ш], [ж], [ч]: *мээң [ч]уртум* ‘моя родина’, *хоорайым [Ш]агаан-Арыг* ‘мой город Шагаан-Арыг’, *[ч]оруур бис* ‘уезжаем’, *а[ж]ылдавайн турар мен* ‘не работаю’, *а[ч]амның адын Павел дээр* ‘моего папу зовут Павел’, *ү[ш] минута* ‘три минуты’, *он бир [ш]ак бе[ж]’ен* ‘11 часов 50 минут’, *он сес [ш]ак* ‘18 часов’, *а[ж]ылын чогуруп алыр дээ[ш]тиң* ‘для того, чтобы успешно завершить работу’, *[ч]едип келген болга[ш]* ‘так как пришел’, *английский ба[ш]кызы* ‘учитель английского языка’, *ма[ш]иналыг уруг* ‘девушка на машине’ [18].

Чрезмерная палатализация согласных [ч], [ж], [ш] хотя и встречается у носителей разных диалектов, но не обрела массового характера.

Чрезмерная палатализация указанных согласных приводит к тому, что многие дикторы вместо [ж], [ш] и [ч] произносят [й]: *а[й]ырбас* ‘ничего’, *ба[й]ың* ‘дом’, *эр ки[й]и* ‘мужчина’, *а[й]ы-төлдүг мен* ‘я имею детей’, *[й]огум* ‘именно’, *эрттип бар [й]ыдар* ‘проходит’, *Ак-Туруг суурдан [й]едип келген* ‘из села Ак-Туруг приехал’, *пока ажыл [й]ок* ‘пока работы нет’, *олурар-ла [й]е-дир* ‘сидит же’, *Томскка [й]еткеш* ‘доехав до Томска’, *дан-дал ортузунда [й]ыдар* ‘находится прямо посередине’, *курсаг [й]ер* ‘сухая земля’, *хоорай онза [й]ерде турар* ‘город находится в особенном месте’, *он харга [й]едир* ‘до десяти лет’, *майна* ‘машина’ [Там же]. Соответствие [ч], [ж], [ш] // [й] является массовым явлением в потоке речи. В спонтанной речи [ч], [ж], [ш] // [й] проявляется вариативно, такое произношение не замечается самими дикторами. Вероятно, данное соответствие обусловлено тем, что ч // й довольно распространено в тюркских языках [27, с. 274-279].

Данное явление весьма характерно для речи жителей Улуг-Хемского кожууна, который относится к зоне центрального диалекта. Однако оно проявляется также в речи дикторов, относящихся к носителям западного, юго-восточного диалектов и каа-хемского говора [18].

Сильная палатализация согласных [ч], [ж] и [ш] приводит к возникновению других фонетических явлений. В потоке речи указанные согласные переходят в [й], который, в свою очередь, влияет на переход сонорного [р] > [й]: *ийи эр ки[ж]и ле бир кыс ки[ж]и бай йе-дир* в м. *ийи эр кижги-биле бир кыс кижги бар чүве-дир* ‘здесь есть двое мужчин и одна женщина’; *ба[й]и [й]ыткаштың* в м. *бар чыткаштың* ‘идя туда’, *күзээ[й]-дир мен* в м. *күзээр кижги-дир мен* ‘я желаю’ [Там же]. Это происходит с согласным [р], находящимся рядом с согласным [й] непосредственно или оказавшимся рядом, в результате выпадения слогов.

Также отмечается другое фонетическое явление, обусловленное влиянием согласного [й], – палатализация согласного [н], находящегося рядом с [й] или в соседнем слоге от этого согласного: *а[н]актар-биле* в м. *аныяктар-биле* ‘вместе с молодежью’, *даштыгаа үнүп ой[н]аар* в м. *даштыгаа үнүп ойнаар* ‘играть на улице’, *Кызыл хоорайдан кай[н]аар-даа чорбаан мен* в м. *Кызыл хоорайдан кайнаар-даа чорбаан мен* ‘никуда из Кызыла не выезжала’, *көөр ы[н]аан* в м. *көөр ыйнаан* ‘посмотрим’, *ыңдыг дии[н]* в м. *ыңдыг-дыр ийин* ‘так всегда’ [Там же].

Переход [р] > [й] и палатализация [н] под влиянием [й] свойственны для спонтанной речи носителей всех тувинских диалектов, что характеризует данное явление как наддиалектное.

В западном, тоджинском, центральном диалектах отмечалось соответствие *м // б* и *б, п // м* в начале слова: *модаган* в м. *бодаган* ‘верблюжонок’, *мерге* в м. *берге* ‘трудный’, *мөш* в м. *пөш* ‘кедр’, *балгаш* в м. *малгаш* ‘грязь, слякоть’, *баска* в м. *маска* ‘молоток’ [1; 23; 24; 32]. В собранном нами материале не обнаружено ни одного подобного примера [18]. Соответствие *в // м* фиксируется лишь в одном примере в середине слова: *даман* в м. *даван* ‘конечность, нога’ у одного диктора из Бай-Хаака и у другого диктора из Ак-Довурака [Там же]. Таким образом, можно сказать, что данная диалектная черта постепенно утрачивается.

В говорах западного диалекта диалектологи отмечали выпадение сонорных согласных [н], [л] в анлауте в заимствованиях: *эгей* в м. *негей* ‘овчинная шуба’, *огаан* в м. *ногаан* ‘зеленый’, *огаа* в м. *ногаа* ‘овощи’, *ама* в м. *лама* ‘лама’, *ом* в м. *ном* ‘книга’ [8, с. 37, 38; 23, с. 49]. В спонтанной речи наших 5 информантов из Бай-Тайгинского кожууна, которым было от 20 до 60 лет, данный признак не был обнаружен [18]. Возможно, он сохранился в речи старшего поколения. В этом случае можно сказать, что он нивелировался под влиянием литературного языка.

В настоящее время выпадение согласных в тувинском языке в потоке речи, на наш взгляд, является наддиалектным явлением. Выпадение согласных [г], [б], [п] – довольно распространенное явление не только внутри слова, но также на стыке слов и в аналитических конструкциях в позиции внешней сандхи: кыз. *хөй чылдар дур[]узунда* в м. *хөй чылдар дургузунда* ‘в течение многих лет’; *сүрээдей []ээр* в м. *сүрээдей бээр* ‘разволноваться’; *азы []олза чаптынчып ойнаар* в м. *азы болза чаптынчып ойнаар* ‘или играют в прятки’; каа-х. *бо дур[]аар* в м. *бо дургаар* ‘здесь вдоль’; *плац кеди[]алган* в м. *плац кеди алган* ‘одета в плащ’; тес-х. *Сама[]алтай* в м. *Самагалтай* ‘название села Самагалтай’; *хосту[]үемде* в м. *хостуг үемде* ‘в свое свободное время’; *шөлээн, ынды[]оюннар* в м. *шөлээн ындыг оюннар* ‘спокойные такие игры’; улуг-х. *чай чокталы []ерген* в м. *чай чокталы берген* ‘некогда стало’; барун-х. *чыглы[]алгаи* в м. *чыглып алгаи* ‘собравшись’; *студенти чылдарымда []олза* в м. *студент чылдарымда [б]олза* ‘в мои-то студенческие годы’; эрзин. *кайга[]эртип тур* в м. *кайгап эртип тур* ‘проходят, удивляясь’; дзун-х. *кээ[]ушкан* в м. *кээп ушкан* ‘упал’; бай-т. *холунда сумка туду[]алган* в м. *холунда сумка туду[п] алган* ‘в руке держит сумку’ [Там же].

В потоке речи часто выпадает сонорный [л] в слове *болза* ‘если будет; если’. Внутри слова (обычно многосложных) также регулярно выпадает согласный [в]: *ол теле[]изор* в м. *ол телевизор* ‘то телевизор’; *сы[]ыртажып турдуvus* в м. *сывыртажып турдуvus* ‘мы гонялись друг за другом’, *майгыннары[]ыс* в м. *майгыннарывыс* ‘наши палатки’, *повары[]ыс база* в м. *поварывыс база* ‘наш повар тоже’ [Там же]. Данные явления происходят в речи носителей всех тувинских диалектов.

Для потока речи тувинцев характерно выпадение первого слога послелога *биле* ‘с, посредством, при помощи’: *кадайым, ажсы-төлүм-ле* ‘с женой и детьми’, *өөм ишти-ле чурттавайн турар мен* ‘с супругом не живу’, *эштери-ле чоруур* ‘идти с друзьями’, *англи дыл-ле чугаалажыр* ‘разговаривать по-английски’, *солагай холу-ле* ‘левой рукой’ [Там же].

Нужно отметить, что послелогу *биле* в некоторых тюркских языках соответствуют аффикс *-ла* творительно-инструментального или орудно-совместного падежа [9, с. 66; 25, с. 88]. Вероятно, по отношению к *-ле* < *биле* в тувинском языке можно сказать, что он в настоящее время находится в приграничной зоне между послелогом и аффиксом.

Соответствия *п // б, к // х* (пий-х., улуг-х., овюр., тес-х., танд. говорах, центр., запад., тодж., тере-хол. диалектах) в начале слова: *п^с1 ажсың – бажсың* ‘дом’, *т^с1 уткууш – буткууш* ‘ухват’, *кадак – хадак* ‘широкая шелковая лента, преподносимая в знак почтения’, *кадаг – хадаг* ‘гвоздь’; метатеза *шк, ск* в медиали (*акша – ашка* ‘деньги’, *аксы – аскы* ‘рот’), различные варианты слов *ийи* ‘два’ (*иьны~ ньыи [п'ы] ~ иьйи*), *чүве* ‘вещь, предмет, тело, существо’ (*чиме ~ чүме ~ чиве ~ чиме*) как диалектные особенности фиксировались почти во всех тувинских диалектах и говорах [23, с. 13]. Анализ собранных нами материалов показал, что эти черты также в настоящее время проявляются в спонтанной речи почти у всех дикторов [18]. Это позволяет говорить о том, что указанные признаки характерны для спонтанной неконтролируемой речи носителей всех тувинских диалектов и говоров как в прошлом, так и в настоящем. Поэтому данная особенность, на наш взгляд, является не диалектной особенностью, а признаком спонтанной речи.

В этой связи нужно сказать, что слово *чүве* ‘вещь, предмет, тело, существо’ в настоящее время в спонтанной речи имеет фонетические варианты *чө, чү, че*. Из ранее отмеченных вариантов фиксируется лишь один – *чиве*. Также показатель первого лица *мен* имеет варианты *бен, вен*, вопросительная частица *бе* – варианты *ба, ме, ма* [Там же].

В потоке речи тувинцев нормой является оглушение согласных [с] рядом с сонорными и гласными звуками: *Ленин[с]иг* в м. *Ленинзиг* ‘похожий на Ленина’, *сарыг[с]ымаар* в м. *сарыгсымаар* ‘желтоватый’, *сээден[с]иг* в м. *сээдензиг* ‘туповатый’, *хирлиг[с]имээр* в м. *хирлигзимээр* ‘грязноватый’. Регулярное оглушение [к] наблюдается лишь в слове *шаанда[к]ы* в м. *шаандагы* ‘древний, давнишний, прежний’ [Там же].

Таким образом, результат анализа показал, что под интерферирующим влиянием литературного тувинского языка постепенно исчезают следующие диалектные особенности: нефарингализованные гласные вместо фарингализованных, соответствия *и // э, ө // э, м // б и б, п // м* в начале слова, вставка согласных [п], [х], [р] в середине и в начале слова, выпадение [н], [л] в начальной позиции заимствований. В то же время в диалектах и говорах наблюдается интерферирующее влияние говоров центрального диалекта, выражающееся в удлинении узких гласных в глагольных формах на *-р*, а также фарингализация нефарингализованных гласных, отмеченная также в русизмах.

Следующие особенности следует признать общедиалектными или признаками спонтанной речи:

- 1) спорадическое произношение долгих гласных вместо литературных кратких и наоборот;
- 2) разогубление гласного [у] в некоторых словах;
- 3) опереднение гласного [а] рядом с [й] в речи молодого поколения, хорошо владеющего русским языком;
- 4) соответствия *п // б, к // х* в начале слова;
- 5) соответствие [й] // [ш], [ж], [ч];
- 6) соответствие [й] // [р] под влиянием [й] < [ж], [ч];
- 7) палатализация согласного [н], находящегося рядом с [й] или в соседнем слоге от этого согласного;
- 8) оглушение согласных [с] рядом с сонорными и гласными звуками;
- 9) вставка *р* в медиали в некоторых словах;
- 10) метатеза *шк, ск* в медиали;

¹ с^с – придыхательный сильный согласный.

11) выпадение согласных [г], [б], [п] внутри слова и на стыке слов и в аналитических конструкциях в позиции внешней сандхи; выпадение [л] в единичных словах и [в] внутри слова в некоторых многосложных словах;

12) выпадение первого слога послелога *биле* 'с, посредством, при помощи';

13) различные варианты слов *ийи* 'два', *чүве* 'вещь, предмет, тело, существо', показателя первого лица *мен*, вопросительной частицы *бе*.

Указанные признаки свойственны для спонтанной неконтролируемой речи почти всех дикторов, что характеризует их как наддиалектные.

Чрезмерная палатализация [ш], [ж], [ч] отмечена у многих дикторов, но не носит массового характера.

Нивелирование диалектных особенностей свидетельствует о неоспоримо прочном, доминирующем положении литературного языка. Однако, если придерживаться тезиса о том, что диалекты и говоры являются источниками обогащения литературного языка, такие процессы, постепенно усиливаясь, могут отрицательно повлиять на имеющийся для дальнейшего развития языка внутренний потенциал. Кроме того, анализ спонтанной речи носителей различных тувинских диалектов и говоров показывает, что при обработке диалектного материала важно различать диалектные особенности и явления, характерные для спонтанной речи дикторов.

Список сокращений

бай-т. – бай-тайгинский говор
 барун-х. – барун-хемчикский говор
 вм. – вместо
 диал. – диалект
 дзун-х. – речь жителей Дзун-Хемчикского района
 запад. – западный диалект
 каа-х. – каа-хемский говор
 овюр. – овюрский говор
 пий-х. – пий-хемский говор
 сут-х. – сут-хольский говор
 танд. – тандынский говор
 тере-хол. – тере-хольский диалект
 тес-х. – речь жителей Тес-Хемского района
 тодж. – тоджинский диалект
 улуг-х. – улуг-хемский говор
 центр. – центральный диалект
 юго-вост. – юго-восточный диалект
 эрзин. – речь жителей Эрзинского района

Список источников

1. **Бабушкин Г. Ф.** Материалы по Монгун-Тайгинскому говору // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1961. Вып. 9. С. 249-252.
2. **Бабушкин Г. Ф.** Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1960. Вып. 8. С. 211-215.
3. **Бичелдей К. А.** Гласные тувинского языка в потоке речи: в 2-х ч. Кызыл: ЦОП «Тув. респ. упр. статистики», 1989. Ч. I. 91 с.; Ч. II. 94 с.
4. **Бичелдей К. А.** Звуковой строй диалектов тувинского языка. М.: РУДН, 2001. 156 с.
5. **Бичелдей К. А.** Фарингализация в тувинском языке. М.: РУДН, 2001. 289 с.
6. **Гансух Х.** Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2009. 21 с.
7. **Дамбыра И. Д.** Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: Сова, 2005. 224 с.
8. **Доржу М. Д.** Бай-Тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. 112 с.
9. **Дыренкова Н. П.** Грамматика ойротского языка. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 302 с.
10. **Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А.** Грамматика тувинского языка. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 462 с.
11. **Катанов Н. Ф.** Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1903. 487 с.
12. **Кечил-оол С. В.** Типологическая специфика консонантизма Сут-Хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2004. 29 с.
13. **Кунаа А. Ч.** Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1957. 56 с.
14. **Кунаа А. Ч.** Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1959. 14 с.
15. **Кунаа А. Ч.** О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1973. Вып. 16. С. 151-153.
16. **Куулар Е. М.** Юго-восточный диалект тувинского языка. Кызыл: ТувГУ, 2012. 213 с.
17. **Монгуш Д. А.** О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии: сб. статей / под ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Б. и., 1983. С. 127-145.
18. **ПМА** – Полевые материалы автора по тувинским диалектам, 2013-2014 гг.
19. **Радлов В. В.** Образцы народной литературы тюркских племен: в 4-х ч. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1866. Ч. I. Образцы народной литературы тюркских племен: поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев.
20. **Саая О. М.** Фонетические особенности в речи сэлэнгинских тувинцев Монголии // Единая Тува в Единой России: история, современность, перспективы: материалы Международной конференции, посвященной 100-летию единения России и Тувы (г. Кызыл, 3-4 июля 2014 г.): в 2-х ч. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. Ч. I. С. 194-199.

21. Сарыкай М. Х. О речи тандинских тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1973. Вып. 20. С. 242-250.
22. Сат Ш. Ч. Материалы по тандинскому говору // Труды Кызылского педагогического института. Кызыл, 1963. Вып. 3. С. 56-77.
23. Сат Ш. Ч. Тыва диалектология. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1987. 104 с.
24. Сегленмей С. Ф. Особенности речи населения Дзун-Хемчикского района // Вопросы тувинской филологии: сб. статей / под ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Б. и., 1983. С. 146-158.
25. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: Маариф, 1979. 304 с.
26. Серен П. С. Тере-Хольский диалект тувинского языка. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. 116 с.
27. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 476 с.
28. Хертек Я. Ш. Некоторые особенности речи населения Кара-Холя // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1970. Вып. 14. С. 234-242.
29. Хертек Я. Ш. О говоре населения Овюрского района // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1964. Вып. 11. С. 332-340.
30. Хертек Я. Ш. Об улуг-хемском говоре тувинского языка // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1968. Вып. 13. С. 305-315.
31. Цэцэгдарь У. Особенности тувинской речи жителей Кобдо: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2013. 19 с.
32. Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 136 с.
33. Чадамба З. Б. Тувинские диалекты в их отношении к литературному языку // Лексика и морфология тюркских языков: сб. статей / под ред. Е. И. Убрятовой. Новосибирск: Б. и., 1982. С. 148-154.
34. Ragagnin E. Dukhan, a Turkic variety of northern Mongolia: description and analysis. Harrassowitz: Wiesbaden, 2011. 290 p.

PHONETIC INTERFERENCE IN THE TUVAN LANGUAGE

Saaya Oyumaа Maadyr-oolovna, Ph. D. in Philology

Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, Kyzyl
yu5bi@mail.ru

The article deals with the phonetic peculiarities of the Tuvan dialects lost under the influence of the literary language and identified as a result of vast dialect material collecting and processing. Attention is also paid to such phenomena, which were previously considered as the peculiarities of a single dialect, but now have become typical of most Tuvans' speech. In addition, the phonetic features characteristic of the Tuvans' spontaneous speech are analyzed. Such features of spontaneous speech as correspondence 'length // shortness of vowels', loss of vowels, consonants, syllables, palatalization of hushing sounds are revealed.

Key words and phrases: Tuvan language; phonetic peculiarities; Tuvan dialects; dialect signs; correspondences of sounds; speech flow; loss of sounds; palatalization; vowels fronting; delabialization; metathesis.

УДК 81'33

Дата поступления рукописи: 07.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-2.39>

В статье рассматривается роль гуманитарной науки и гуманитарных технологий в создании условий реализации стратегических программ развития цифровой экономики Российской Федерации. Показана возможность использования цифровых лингвистических технологий для мониторинга общественного сознания и формирования новых стратегий в области неклассического маркетинга. В качестве примера автор проводит исследование общественного мнения по отношению к гуманитарному образованию с использованием открытых корпусов текстов, выявляет специфику отношения разных социальных групп к образованию в целом.

Ключевые слова и фразы: цифровые гуманитарные технологии; цифровая экономика; Национальная технологическая инициатива (НТИ); общественное мнение; лингвистический мониторинг; гуманитарное образование; корпуса текстов.

Северина Елена Михайловна, д. филос. н.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
emkovalenko@sfedu.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Уровень развития общества в складывающемся мироустройстве все больше определяют новые высокотехнологические продукты и услуги. Лидерство российских наукоёмких предприятий на новых мировых рынках призвана обеспечить долгосрочная комплексная программа «Национальная технологическая инициатива» (НТИ) [12, с. 34], в которой определены ключевые направления развития в сфере создания глобальных конкурентоспособных высокотехнологических продуктов и сервисов [8], рассматриваемые, в первую очередь,